

СВЕДЕНИЯ О ГОРИЦКОМ ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Местоположение монастыря

Воскресенский Горицкий девичий монастырь расположен на возвышенном левом берегу судоходной реки Шексны, у подножия величественной горы Мауры, в семи верстах от уездного города Кириллова, Новгородской Епархии. Местность вокруг монастыря замечательно живописна. Дорога от Кириллова сначала идет по берегу Сиверского озера, омывающего своими чистыми волнами стены древней Кирилловой обители, а потом по горам. Тут же направо, недалеко от дороги, другое небольшое озеро — Константиновское и гора Золотуха, а слева гора Маура с небольшою деревянною на самой вершине ее часовнею в честь преп. Кирилла Белоозерского*. С этой горы открывается великолепный вид на монастырь, окрестности и особенно на Шексну с ее пароходами и судами, которая широко извивается по ровным зеленым лугам и долинам. Местность, называемая Горицы, получила таковое наименование по уменьшительному окончанию, весьма древней формы, употребительной в здешнем крае (Гора-Горица, как например, дева-девица, коса-косица).

Начало монастырю положено в первой половине XVI века, по летописным сказаниям, княгиней Евфросинией Андреевной, вдовой удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, родного дяди царя Иоанна Васильевича Грозного.

Злополучная судьба Князя Андрея Ивановича и его супруги Евфросинии Андреевны. Устройство Горицкой обители. Именитыя инокини. Царския милости монастырю. (1544-1612 гг.)

Первоначальная судьба Горицкого монастыря тесно связана с событиями царствования Иоанна Грозного и последующим междоусобицей.

Когда по смерти Московского князя Василия Иоанновича на Московском престоле остался малолетний Иоанн и потому государственная власть перешла в руки бояр, тогда началась жестокая борьба за верховенство власти, а вместе с нею наступила и тяжелейшая

* С этой горы «Мауры» и камня некогда обозревал преп. Кирилл Белоозерский вместе с преп. Ферапонтом указанное ему Царицею Небесною место для иноческих трудов и подвигов, где ныне стоит славная Кириллова Обитель.

пора смут, продолжавшаяся в течение всего малолетства Иоанна Грозного.

За это тяжелое время одною из жертв боярского самовластия сделался и родной дядя Иоанна Грозного, Андрей Иванович, князь Старицкий вместе со своим братом Юрием Ивановичем, князем Дмитровским. Последний умер в 1536 году, как гласит народная молва, в тюрьме от голода. После смерти князя Юрия немедленно потребовали в Москву Андрея Ивановича, жившаго в то время в своем уделе Старицах, со своею молодой женою Евфросиниею Андреевною, урожденною княжною Хованскою и с трехлетним сыном их Владимиром. Зная, какая участь постигла его брата и что ждет его самого, князь Андрей сначала отказался ехать в Москву, а когда прибыло за ним второе посольство, то бежал к Новгороду, надеясь там найти себе защиту, но был схвачен на пути со всею семьею и своими боярами и посажен под стражу. Через год князь Андрей скончался (10 декаб. 1537 года) страдальческою смертию, а жена его вдова княгиня Евфросиния Андреевна с сыном Владимиром Андреевичем остались в заключении. Только через три года, в 1540 году, когда во главе бояр стоял добрый и великодушный князь Иван Бельский, их освободили из-под тяжелой неволи. На другой год по освобождении они были представлены юному царю Иоанну, после чего им возвратили удел князя Андрея, город Старицу с богатыми вотчинами и дозволили там иметь им свой двор, своих бояр и слуг княжеских. Но власть добраго князя Бельскаго продолжалась недолго, недовольные бояре кротким правлением его схватили князя (в 1542 году) и сочувствовавшего ему митрополита Иоасафа и обоих отправили в ссылку на Бело-озеро. Опять наступили тяжелыя времена, и опалы, и казни, не перемежаясь, следовали одна за другою. В это время, когда жизнь постоянно была в опасности, благочестивая княгиня Евфросиния Андреевна стала находить себе покой и утешение в делах благотворительности и богоугождения. Так, прежде всего она занялась устройством в далекой своей Белозерской области, которая всегда была достоянием князей Можайских или Старицких, женской Иноческой обители, как тихаго пристанища от мирской суеты и превратностей. Место для обители было выбрано в семи верстах от цветущей в то время славной Кирилло-Белозерской обители, на левом гористом берегу реки Шексны «в Горах», где в то время существовала уже деревянная Воскресенская, великаго князя оброчная церковь вместе с Введенскою ружною церковью¹.

В 1544 году Княгиня Евфросиния деревянную церковь Воскресения Христова заменила новою каменною, тоже Воскресенскою с приделом при ней преп. Кирилла Белозерскаго Чудотворца. Тогда же

к ней была прикладена другая церковь, во имя Божией Матери Одигитрии, теплая с трапезною².

Таким образом, во вновь возникшей Горицкой обители придел при соборном Воскресенском храме и теплая трапезная церковь были сооружены во имя святых Белозерскаго края — преп. Кирилла и принесенной им с Москвы на Бело-Озеро Чудотворной Иконы Божией Матери Одигитрии.

Княгиня Евфросиния имела великую любовь к Кирилловой обители; она даже желала там найти себе вечное упокоеие. Поэтому понятно, почему созданный ею Горицкий Воскресенский монастырь имел следы этой любви и почтения. Так положено было начало Воскресенскому Горицкому монастырю. Но более подробных сведений за первое существование сей обители не имеется.

Древний монастырский синодик сохранил только имена первых Горицких игумений³. Вот эти имена: Анисия, Анастасия, София, Мариамна, Анна. Какого они роду, сколько времени игуменствовали и когда скончались, неизвестно ничего, кроме года кончины последней из них, игуменьи Анны, окончившей жизнь свою в октябре 1569 года.

Таким образом, за время от 1544 г., если считать этот год временем первоначальнаго основания обители, по 1569 год включительно, т. е. за 25 лет, было пять игумений. Но весьма возможно, что и до сооружения Воскресенскаго собора здесь жили некоторыя старицы при прежней деревянной церкви, как это бывало в древния времена в других местах, а также и в Белозерском крае.

Царь Иоанн Грозный однако питал доверие и расположение к своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу и его матери Евфросинии Андреевне и даже в своем завещании, на случай своей смерти, князя Владимира он оставлял опекуном своего малолетняго сына Царевича Иоанна, а в случае кончины царевича его объявил своим наследником. В 1563 году дьяк князя Владимира Савлук Иванов прислал к царю память (донос), в которой писал, что княгиня Евфросинья и сын ея князь Владимир многия неправды к царю чинят и для этого держат его, Савлука, скована в тюрьме. Разгневанный царь приказал прислать княгиню Евфросинию и сына ея Владимира вместе с доносчиком Савлуком к нему в Александровскую слободу. Дело кончилось тем, что «царь и великий князь княгине Евфросинии ко князю Владимиру неисправления их и неправды им возвестил, и для Отца своего Макара Митрополита, и архиепископов, и епископов гнев свой им отдал». Владимир остался жить на свободе, по-прежнему пользуясь благорасположением государя, мать же его, княгиня Евфросиния, била челом государю, чтоб тот позволил ей постричься в инокини, на что и дано ей было царское согласие и разрешение⁴.

5-го августа 1563-го года игумен Кириллова монастыря Вассиан, он же и духовник княгини, постриг ее в инокини, под именем Евдокии на Кирилловском подворье в Москве⁵. Новопостриженная инокиня пожелала жить на Белом озере, в Воскресенском девичьем монастыре, «где прежде того обет свой положила и тот монастырь соорудила». Ее провожали до места боярин Феодор Иванович Умново-Колычев, Борис Иванович Сукин, дьяк Рахман Жидков и отец ее духовный, Кирилловский игумен Вассиан. Вместе с княгинею поселили сюда также ее боярыни инокини Мария и Александра, но вместе ли с княгинею они были пострижены или в какое другое время — неизвестно.

Удалившись от мирской суеты и постоянных страхов за свое существование, каких немало пришлось пережить ей по коварству бояр, и поселившись на постоянное жительство в Воскресенский свой монастырь, княгиня-инокиня Евдокия первое время пользовалась благорасположением к себе царя Ивана Васильевича, который делал щедря милости княгине и устроенной ею Горицкой обители. Так прежде всего он повелел на новом месте устроить ее «кествою, питием, прислужниками и всякими обиходы», а для охранения и службы при ней приказал жить у монастыря Михаилу Ивановичу Колычеву, Андрею Феодоровичу, сыну Щепотову и подьячему Андрюшке Шулепникову. Они же должны были заведовать всем хозяйством княгини-инокини. Поселились они каждый в своем дворе с огородом в деревне Кнutowe, где жил монастырский священник Григорий. Деревня эта лежала рядом с монастырем, на берегу реки Шексны, и со времени преп. Кирилла Белозерского (1427 года), по данной некоего Алексея Горбова, принадлежала Кирилловой обители. Тут же стояли двор коровий и дворы княгининых служебников-сытников и подклучников. Как сказано выше, царь Иоанн Грозный оказывал свои милости монастырю, и первым делом его было озаботиться наделить монастырь ругою и земными угодами. По царскому указу Михаил Иванович Колычев да Никита Григорьевич Яхонтов измеряли деревню Кнutowo, принадлежавшую в то время Кириллову монастырю, и расположенную под самыми стенами Горицкого монастыря, пожаловали в Горицы вместе с деревней Близнецово, что на Маурине горе и пустошью Березник. Тогда же царь повелел давать ружный хлеб из своих дворцовых сел Белозерского уезда, Озацкой волости. Игуменнии пошло 20 четвертей ржи и 15 четвертей овса, двум священникам 35 четвертей ржи и 35 четвертей овса, — по 17 1/2 четвертей каждому; диакону 12 четвертей ржи и 12 четвертей овса; семидесяти старицам 350 четвертей овса и 350 четв. овса⁶ — по 5 четвер. каждой. Вместо пшеницы на просфоры назначено было

15 четвер. ржи. Хлеб в монастырь должны были привозить сами крестьяне на своих подводах, сроком к Рождеству Христову.

Перевоз через реку Шексну, что у Гор, царь пожаловал также монастырю вместе с деревней Кнutowo. С того времени Горицкая обитель пользуется доходами с него до настоящего времени.

Когда сделаны эти пожертвования монастырю, т. е. в котором году, трудно сказать, во всяком случае, деревня Кнutowo пожалована не ранее 1565 г., когда в октябре сего года был произведен обмер этих земель.

Приехав на Бело-озеро и поселившись в иноческой келии Горицкого монастыря, в смиренном звании инокини, княгиня Евдокия всецело посвятила жизнь свою делам благочестия и стяжанию иноческого терпения и смирения. Здесь она достигла высших ступеней душевной красоты и нашла тот мир души, к которому стремилась всю свою жизнь, в служении Богу и ближнему.

Здесь инокиня Евдокия прежде всего занялась благоустройством Горицкой обители. Это дело она поручила келарю Кириллова монастыря, старцу Никодиму. На строение ему были даны деньги, но эти деньги почему-то были взяты и в 1564 г. отправлены с Михаилом Савиным в Москву. Своими средствами княгиня украсила новоявленный образ Пречистой Богородицы «Умиления», обложенный серебром. «Приложила к нему, гривну, а пелену, на которой был вышит образ Пречистой Богородицы на тафте черватой, обложила золотом с камнями и жемчугом. К тому же образу старица Княгиня Мария дала серьги, ценою сорок алтын»⁷. В числе вкладных вещей монастырю княгини-инокини Евдокии упоминаются большие колокола, ладоница оловянная, да чарки оловянные. Когда она, в 1569 году, поехала из монастыря к Москве, то оставила в церкви Воскресения Христова на правой стороне «два образа Богоявления на злате пядница». Между вещами княгини еще упоминаются: оловянное блюдо, хранившееся в олтаре в церкви, на котором носили княгине просфоры.

Из Гориц княгиня-инокиня Евдокия неоднократно посещала для богомолья Кириллову обитель и делала там немало богатых вкладов, свидетельствующих об ее благотворительности и об ее вере к преп. Кириллу и его обители. Так в 1566 году в месяце мае пришла она в Кириллов и дала двадцать образов да чару серебряную в десять руб. Княгиня готовила там себе место вечного упокоения. «И Бог пошлет по душу княгинину, — записано в кладной книге Кириллова монастыря, — и те образы поставити у гроба княгинина, и чарку на панихидцы на гроб ставити». Но как увидим далее, Бог судил иначе и княгинино желание не исполнилось. Горицкая обитель все более и более благоустроилась с каждым годом. Кирилло-Белозерский

монастырь был ближайшим его покровителем, отсюда были духовники инокинь. Кирилловские власти заведовали постройками обители, оне же хранили ее целость и неприкосновенность в имущественном отношении.

Вместе с княгинею Евфросиниею Андреевною участь заключения в Горицкой обители некоторое время разделяла княгиня Иулиания Дмитриевна, урожденная княгиня Полоцкая, супруга князя Юрия Иоанновича⁸, родного дяди царя Ивана Васильевича. В 1564 году она постриглась в инокини с именем Александры и поселилась в Новодевичьем монастыре. Туда с честью провожал ее сам царь с царицею, племянник по мужу князь Владимир Андреевич, бояре и народ.

Царь повелел устроить в монастыре и за монастырем погреба и ледники, и поварни особья, устроил пышный двор, дал сановников для прислуживания и богатя поместья во владения. Но такое расположение Грозного к своей невестке продолжалось недолго. Как видно, княгиня-инокиня в последнее время жила уже в Горицах на дальнем Бело-озере. Памятником пребывания ее здесь осталось не малое число пожертвованных ею во обитель дорогих образов, которые были поставлены в церкви Воскресения Христова, на левой стороне, против образов княгини-инокини Евдокии⁹.

Можно полагать, что к концу описываемого времени (1544-1569 г.) число инокинь возросло до семидесяти человек. Многие из них происходили от именитых и богатых родов. Таковы были здесь, кроме стариц княгинь, инокини Евпраксия, Пелагия, Мария, Александра, принесшия разные вклады в монастырь. Тут же жила старица Феодора, мать дьяка Мясоида Вислово, погибшаго вместе с своею женою от истязаний опричников царя Иоанна. Но вместе с знаменитыми инокинями были также здесь и простыя, бедныя, которыя должны были зарабатывать насущный хлеб (Горицы были особножительным монастырем) трудами рук своих. Оне пряли нити, ткали пояски, которые, между прочим, продавали в Кириллове монастыре. Сельскохозяйственныя работы исполнялись также самими инокинями.

Первою игуменнею монастыря, которая известна по точным историческим данным, была старица Анна, вероятно, из рода Щенятевых. Она управляла монастырем в конце описываемого времени. В 1569 году в 28 день месяца мая старец Гурий, житник Кириллова монастыря, «переписал у Воскресения Христова и в теплой церкви и в приделе чудотворца Кирилла церковное строение, образы, и свечи, и пелены образныя, и завесы, и ризы, и стихари, и сосуды церковныя, и все церковное строение». Из этой описи видно, что тогда, кроме двух церквей каменных — теплой и холодной, была

еще церковь во имя великомученицы Екатерины и колокольня¹⁰. Все церкви были благоустроены. Старыя иконы, писанныя большею частию на красках, были заменены новыми, писанными на золоте, и при них были дорогия, с вышитыми изображениями, пелены и многия драгоценныя привески. Старицы княгини, а вместе с ними и другия инокини, покойно жили в обители до 1569 года, но в конце сего года их постигло ужасное несчастье: без явной причины, но вероятно по какому-нибудь тайному доносу, царь Иоанн Грозный опять наложил гнев свой на своего двоюроднаго брата Владимира Андреевича и со всею семьею призвал его к себе в Александровскую слободу¹¹. Здесь 9-го октября князь Владимир, его супруга Евдокия и их дети, и верные слуги были погублены насильственной смертию. Но жестокость царя этими несчастными жертвами не ограничилась. Немедленно были посланы гонцы на Бело-озеро в Горы и повелением царя Иоанна Грозного 11-го октября, т. е. на третий день страдальческой кончины князя с семьею, были потоплены в реке Шексне княгиня-инокиня Евдокия, удельная инокиня Мария, инокиня Александра (в мире княгиня Иулиания Дмитриевна) и игуменья Анна¹². Устное предание добавляет, что будто-бы страдальцы их злыми мучителями были посажены в богато украшенное судно, которое, будучи нагружено камнями, быстро пошло ко дну, вместе с страдальцами, лишь только отвалив от крутого берега, недалеко от монастыря. Тела утопленных были взяты и с честью погребены в стенах монастыря. С тех пор память стариц княгинь-инокинь и игуменни Анны свято хранится в монастыре. Один из современников, записывая на память грядущим векам злополучную судьбу самой княгини-инокини Евдокии, называет княгиню «воистинно святою и постницею великою, во святом вдовстве и в монашестве просиявшею».

Старица Александра (княгиня Иулиания) еще в миру, до пострижения в монашество, считалась женщиною весьма благочестивою и добродетельною, так что современники ее называли второю Анастасиею¹³. Почитание княгинь мучениц и игуменни Анны началось сразу же после их страдальческой кончины¹⁴. Над их могилами была выстроена деревянная часовня, замененная в прошлом столетии величественным Троицким собором, в котором безвинныя страдальцы почивают на левой стороне храма, против клироса под ракой. При гробах их нередко служатся панихиды и по вере молящихся, милостию Божиею неоднократно явлены были чудесныя исцеления. Местными жителями княгини мученицы считаются святыми, угодившими Богу своею высокоподвижницею жизнию и христианскими добродетелями.

Ряд именитых инокинь, томившихся в Горицком монастыре, не кончается инокинями-княгинями Евдокией и Александрой и многими

боярынями. Здесь жила некоторое время царица Анна Алексеевна¹⁵, четвертая супруга Иоанна Грозного, в инокинях старица-царица Дарья, которая потом переведена была в Тихвинский Введенский монастырь. Вместе с инокиней-царицей жила здесь невестка Грозного, вторая супруга его сына Иоанна, Пелагея Михайловна, в иночестве Параскева¹⁶. Затем пребывала здесь немного времени царица Мария в иночестве Марфа, последняя супруга царя Иоанна Грозного, мать царевича Дмитрия Иоанновича¹⁷. Здесь же в Горицах долгое время томилась в заточении дочь царя Бориса Годунова, юная красавица царевна Ксения, в иночестве Ольга, которая изменниками сначала отдана была в наложницы самозванцу Лжедмитрию, а последним заключена была в Горицкий монастырь¹⁸. В Горицком же монастыре в 1601 году некоторое время жила княгиня Черкасская вместе со своим племянником, будущим царем Михаилом¹⁹. По некоторым данным можно заключить, что вместе с отроком Михаилом, здесь жила и мать его инокиня Марфа, и отсюда уже после переселились они в Костромские свои вотчины. В 1619 году была здесь под надзором старица княгиня Елена Масальская²⁰. Здесь же томилась в заключении бывшая невеста Петра II, княжна Екатерина Алексеевна Долгорукова, которая, по вступлении на престол Елизаветы Петровны, была освобождена из заключения и выдана замуж за графа Александра Брюсова²¹.

Из стариц, принадлежавших к именитым родам, примечательны инокини: Агафья Кайбулина²², княгиня старица Ирина Мстиславская²³, княгиня Анна Голицына, старица Марина и многия другия. Как видно из сказанного, Горицы были местом заключения для многих царственных и знатных узниц.

Горицкий монастырь после кончины его основательницы княгини-инокини Евдокии обогащался не только вкладами от именитых инокинь, но также и царскими милостями к нему.

Первым царственным благодетелем его, после царя Иоанна Грозного, был его сын благочестивейший царь Феодор Иоаннович (1597 г.), последний потомок Мономахова рода от князя Рюрика.

Неизвестно, по какой причине ежегодный ружный хлеб на 1595 год был дан в Горы не из Белозерских сел, как это было указано в царской Иоанна Грозного грамоте, а из сел ростовского уезда, из Вошажникова. Царь Феодор Иоаннович, вследствие челобитной игуменни Дарии с сестрами, жаловавшейся на неудобство нового порядка, грамотою от 21 сентября 1595 года велел давать ружный хлеб по-прежнему. В следующем 1596 году от 16 дня месяца мая царем Феодором Иоанновичем на Бело-озеро в Воскресенский монастырь была послана новая грамота, по которой «царь старицу царицу и великую княгиню Дарию²⁴, здесь живущую, да игуменню

Дарию с сестрами пожаловал для отца своего блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича в вотчину в Белозерском уезде из своих черных волостей сельцо Никольское с деревнями и с пустотами, да на выпуске по Шексне реке пустошь Березниково, да пустошь Кирсново, да пустошь Ратибор». Этою же грамотою царь даровал Воскресенскому монастырю все те льготы, которыя обычно давались так называемыми «тарханскими грамотами». «И это, — говорится в грамоте 1596 года, — у них в том сельце (т. е. Никольском) и пустошах жить монастырских людей и крестьян и оне (т. е. игуменья с сестрами) не дают на ям охотников и им подмоги и во всякое ямское строение также и кормов не дают. Также и местницы наши Белозерские и их тиуны тех их людей и крестьян не судят ни в чем, опричь душегубства и татьбы с поличным; ни кормов они своих не съемлют и не всыпают к ним ни вочто; и митрополичьи, ни владычьи десятильнички к ним не въезжают и дани на владуку не берут, и кормов десятильничьих не платят. А ведают и судят людей своих и крестьян игуменья Дарья с сестрами во всем или кому прикажут. А случится суд смешный тем их людям и крестьянам с городскими (Федосьина городка)²⁵ или с волостными людьми и их судят тиуны и у игуменни с сестрами прикащик с ним же судит. А прав или виноват монастырский человек или крестьянин, и он в правде и в вине их монастырскому прикащику, а наместники наши или тиуны в того же монастырскаго человека не вступаются ни в праваго, ни в виноватаго, а городской или волостной человек прав будет или виноват, и он в правде и вине наместнику нашему или его тиуну, и монастырскому прикащику у того человека дела нет. А кому будет чего искати на монастырском их прикащике и по их сужу Яз Царь и великий князь или мой боярин, кому прикажу. Также если их (игуменню с сестрами) пожаловал: наши князи и бояры и воеводы ратные и всякие люди у них силою не ставятся, ни кормов своих ни конских даром не емлют: а где случится им стати, и они себе и конский корм купят, как им продадут. Также если их пожаловал: это ко игуменню с сестрами, по их прикащики и по люди и по крестьян возмет моево Царева и великаго князя пристава и он им пишет один срок в зиме Крещенье Христово, а опричь того срока по них пристава наши не ездят и сроков на них не намечивают: а кто на них накинет срок, непотому их сроку, и им к тому сроку к ответу ездить не велел. Кто возмет на них безсудную не потому их сроку, и Яз им ездить не велел, и та безсудная не в безсудную».

Эта тарханная грамота 25 декабря 1598 года при игуменни Евфимии была подтверждена царем Борисом Годуновым. Там тогда еще жила царица Дарья. При царе Борисе Годунове Горицкий монастырь, кроме хлебной руги, стал получать еще денежную,

выдаваемую к Благовещеньеву дню, «на дрова к трапезе, на соль, ладон, на свечи и воск, и на мед для панихиды».

Кроме княгини-иконини Евдокии, между инокинями Горицкой обители большую всех оставила по себе память здесь царица Марфа, в мире Мария, мать царевича Дмитрия Ивановича убиенного. После смерти Грозного своего супруга, царя Иоанна (1584 г. марта 18), она была выслана со своим двухлетним сыном в Углич, который завещал им в удел скончавшийся царь. В 1591 году в 15 день мая царевич пал жертвою злодейской руки.

Царь Борис повелел тогда с нуждею и безчестием постричь царицу Марию в инокини, дали ей имя Марфы и заточили на Беле-озере в Николо-Выксинском монастыре, иначе Судине²⁶. Царь приставил к ней стражу и пищу повелел давать ей на уроке.

Когда тень царевича-мученика собрала под знамя самозванца сильныя полчища и Борисов престол стал колебаться, царицу Марфу вызвали тайком в Москву, и царь уговаривал, чтобы она всенародно засвидетельствовала смерть своего сына. Хотя инокиня и подтвердила, что сын ея убит, но все же ее отправили опять на Бело-озеро. За свое пребывание там она неоднократно посещала Горицкий монастырь и полюбила его.

Но вот царь Борис скоропостижно скончался. Лжедмитрий изменою бояр и московских людей захватил его престол и убил несчастного сына Борисова, Феодора вместе с его матерью. Чтобы устранить подозрение в истинности своего происхождения, Лжедмитрий вызвал свою мнимую мать, старицу Марфу. Обманщик выехал к ней навстречу, бросился к ея ногам и заплакал. Тяжело было старице принужденное отречение от своего мученика-сына, мощи котораго почивали в Угличе, но ее принудили к этому угрозою, муками и смерти²⁷.

Инокиню Марфу поместили в келлиях Вознесенскаго монастыря в Москве, отделанных с царскою роскошью, и Лжедмитрий оказывал ей, для виду, всякое сыновнее почтение. Царица инокиня не забыла в новом своем положении о дальней Горицкой обители.

Одною из грамот царя Бориса запрещено было давать ежегодную хлебную и денежную ругу на Беле-озере. Приходилось дважды в год из Гор ездить в Москву и терпеть большия убытки от московской волокиты. Игуменья Фетиния с сестрами обратилась тогда за ходатайством к царице-инокине Марфе.

И грамотою от 23 дня, месяца октября 1605 года, Лжедмитрий, ради своей матери, государыни царицы и великой княгини-инокини Марфы, указал по-прежнему получать ругу на Беле-озере хлебную на Рождество Христово, а денежную на Благовещеньев день. Эту

грамоту привез из Москвы Горицкой диакон Данило Фомин в 28 день месяца ноября в том же 1605 году.

В 20 день месяца июля в 1608 году царица Марфа скончалась. По ея приказанию на ея вклад в Горицком монастыре была складена каменная церковь во имя великомученицы Екатерины с приделом царевича Димитрия Углицкаго, ея сына, и каменная же колокольня²⁸. Икону царевича Димитрия для вновь сооруженнаго придела, в честь его имени, прислала сама царица Марфа. Делом устройства церкви заведовал Кирилловский игумен Матфей и в 1611 году все было уже готово, и церковь и колокольня.

Мы знаем, что церковь великомученицы Екатерины в Горицах существовала еще в 1569 году, поэтому трудно сказать, что было сделано на вклад царицы Марфы. Скорее всего, старая церковь и колокольня, быть может деревянные, были разобраны и на их место поставлены новыя каменные, которыя существуют и до нашего времени.